

Polylogos. 2013-2022

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 4 Volume 3. 2019

Ideology in the structure of society and personality

Alexander Rubtsov

Institute of Philosophy of RAS

Russian Federation, 109240, Goncharnaya st., 12/1

Abstract

The concept of internal ideology is introduced to present ideological processes occurring in the consciousness and unconsciousness of a person by analogy to parallel processes in the system of power, in society and the state. An expanded understanding of ideology is not limited to politics and standards of sociality, but also reveals its presence in science, culture, economics, etc. Along with such formats as “consciousness for the Other” and “thinking instead of the Other” (Marx, Stirner) is considered the ideological of “internal dialogue”, “human inner world”, etc. Such effects are actualized in transit from group to mass models of sociality and the latest forms of shadow, latent, diffuse (“penetrating”) ideology. In also mode the phenomena of the “ideological unconsciousness” are discussed. The “useful” qualities of internal ideology are analyzed: contra-ideological and contra-social, projective and conservative, orientational and compensatory. Internal ideology is demarcated from certain forms of rationalization through the opposition “faith in the package of knowledge”.

Keywords list (en): ideology, personality, internal ideology, internal dialogue, inner human world, diffuse, shadow, latent and penetrating ideology, ideological unconsciousness, inner functions of ideology

Date of publication: 30.12.2019

Citation link:

Rubtsov A. Ideology in the structure of society and personality // Polylogos. – 2019. – V. 3. – № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110008020-4-1/> DOI: 10.18254/S258770110008020-4

1 Понятия «идеология» и «личность» обычно трактуются как рядоположенные. Отдельный субъект может быть генератором либо носителем идей, представлений и ценностей, участником идеологической коммуникации, агентом идеологической борьбы или работы, но в любом случае эти процессы понимаются как интерсубъективные. Идеология в таком подходе – предмет, относящийся к ведению политических и общественных наук и,

если и связанный с психологией, то скорее социальной, чем личностной. Классическая формула: идеология – это «сознание для другого» (или «мышление за другого» в исторически более точной формулировке Маркса и Штирнера). Но в какой мере идеология может быть «сознанием для себя» и фактом «собственного мышления» с почти теми же функциями в структуре и жизни личности, что в социуме, политике, системе власти? Может ли индивидуальная психология быть свернутым аналогом политики в обычном, макросоциальном и «государственном» смысле этого слова?

2 1. Сознание «для другого» и для себя. От политического редукционизма к расширенной трактовке идеологии

3 Сколь угодно богатая коллекция философских, научных и популярно-бытовых высказываний об идеологии лишь подтвердит доминирующую связь идеологии с политикой. Понятия «идеология» и «политическая идеология» обычно выступают как явные или неявные синонимы: определение «политическая» опускается как плеоназм, мысленно сглатывается. Редкие, если не единичные суждения, затрагивающие идеологию в иных, неполитических контекстах, выглядят скорее метафорами – по крайней мере в традициях теории политики и сознания как строгой науки. То же в сфере обыденного сознания: в популярных диспутах, в учебниках и словарных статьях, в шпаргалках для студентов и прочих подобных ресурсах. «Являясь одним из компонентов политики, идеология играет важную роль в социальной жизни...»¹; «идеология проповедует политические ценности какой-то группы граждан и, как правило, заявляет претензии этой группы на осуществление политической руководств»²...

4 Чаще всего идеология так и понимается – как средство легитимации властных претензий, как инструмент политической экспансии и господства при помощи манипуляции чужим сознанием. «Идеология (греч. *ιδεολογία* от *ιδέα* «прообраз, идея» + *λογος* «слово, разум, учение») – совокупность системных упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных классов и других социальных групп, на основе которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу...»³. Классическая модель политической функции идеологии выглядит так: с целью легитимации господства идеология выдаёт частный интерес господствующих групп за интерес всеобщий⁴. Считается, что это «чистый Маркс». Одновекторная направленность такого воздействия как проявления идеологической репрессии альтернатив практически не имеет.

5 Во избежание такой редукции понятие идеологии можно распространить как «вширь» (по горизонтали), отнеся его и к другим областям активности сознания и отношений, так и «вглубь» (по вертикали), в плане выявления некоторых особенных свойств и механизмов психологии личности⁵. «Объемное», трехмерное расширение понятия идеологии (идеологического) имеет двоякий смысл – и теоретический, и практический, концептуальный и функциональный.

6 Распространение анализа идеологического в такие сферы, как наука, культура, искусство, этика, право, экономика и т.п., оправдано общим для науки стремлением к экономии базовых понятий и посылок, к минимизации аксиоматики и аппарата. В этом философия политики и сознания мало чем отличается, например, от теоретической физики, демонстрирующей, пожалуй, наиболее выраженное и формализованное стремление к построению максимально общей модели (не исключая версий известного принципа соответствия). В этом плане движение к «единой теории идеологии», не сводимой к политике и тривиально понимаемой социальности, выглядит вполне оправданным. И тогда такие понятия как идеология науки (теории), идеология искусства (стиля, произведения) и т.п. уже не кажутся лишь иносказаниями – равно как и представления о собственной, внутренней идеологии личности (как бы ни сопротивлялись наши установки тому, чтобы писать эти два слова рядом и без кавычек).

7 Такого рода расширение важно отличать от простой конъюнкции. Проще всего остановиться в рамках традиционных подходов, рассматривающих различные сферы

активности во взаимоотношении с идеологией как со своего рода контрагентом. Однако одно дело многократно и всесторонне описанные институциональные взаимоотношения идеологии и науки, идеологии и художественного творчества или идеологии и экономики, а совсем другое – внутренняя, собственная идеология теории, произведения, экономических и деловых моделей и пр. Это различие в подходах хорошо видно в использовании предлогов: «идеология и...» – или «идеология в...». Можно много писать, например, о взаимоотношениях революционной и постреволюционной идеологии и русского авангарда – а можно исследовать собственную, причём именно художественную и философскую идеологию авангарда как художественного движения, имеющего историю и главный смысл вне какой бы то ни было политики, взаимоотношений с государством, властью, идеологическим официозом и пр.⁶ Точно также важно различать идеологическое давление власти на науку как на институт производства знания – и собственную идеологию теории, присутствующую в принципиально неэлиминируемых (как теперь выясняется) теоретических, концептуально нагруженных терминах и высказываниях, исследовательских программах и т.п. Примерно по этой линии проходит водораздел, в частности, между социологией знания, с одной стороны, и логикой и методологией науки – с другой.

8   Такого рода максимально расширительный подход к пониманию идеологии (Борис Юдин предлагал использовать здесь выражение «идеология повсюду») в целом аналогичен расширительному пониманию культуры⁷. Можно исследовать такие предметные композиции, как «культура и политика», «культура и власть», «культура и экономика», «культура и бизнес», «культура и наука» и даже «культура и искусство». В предельном случае культура в подобном подходе, по сути, сводится к сфере ведения одноименного министерства. Но есть и более расширительные трактовки, в которых органичны и широко употребимы такие понятия, как политическая культура, правовая культура, деловая культура, культура научного исследования и, наконец, культура общения и человеческих взаимоотношений. Здесь повседневное словоупотребление, по сути, воспроизводит логику более современных и постсовременных подходов, в которых то, что ранее воспринималось в качестве «отдельно стоящих» институтов, начинает пониматься как нечто диффузное, как своего рода вездесущая и всепроникающая субстанция. Таковы, в частности, идущие от Мишеля Фуко представления о власти, вполне заслуживающие методологического повтора в том, что можно назвать «диффузной идеологией». Учитывая характер и силу воздействия на человека, такого рода идеологию уместно было бы также назвать «проникающей»⁸.

9   Точно также легко представить себе традиционный анализ взаимоотношений идеологии и сознания отдельного, индивидуального субъекта (идеологического воздействия на личность «извне» – манипуляции, репрессии и пр.). Идеология и личность – почти полный аналог таких предметных конструкций, как идеология и наука, идеология и искусство и пр. – но только по вертикальной оси. Идеология при этом воспринимается как субстанция преимущественно внешнего воздействия на личность, как нечто экстрасубъективное по определению. Но с не меньшими основаниями можно представить себе «внутренние» идеологические процессы, протекающие в сознании личности помимо внешних связей отдельного человека с политикой, помимо внешних отношений власти, социальных связей и т.д. Не идеология «и» личность, но собственная идеология «в» личности. Понятно, что это тоже рабочая абстракция: здесь приходится многое выносить за скобки, несколько отвлекаясь от таких фундаментальных установок, как общественная, социальная природа сознания, его принципиальная внешняя диалогичность и т.п. Все это имеется в виду, однако иногда устоявшаяся диалектика скрадывает более простые, но важные и полезные разграничения, в том числе мешая сосредоточиться на продуктивных аналитических возможностях переноса социальности и коммуникативности идеологического вовнутрь индивидуального субъекта.

10   2. Личность как «индивидуальный социум» и внутреннее государство. Идеологическое в диалоге с собой

11   Простой мысленный эксперимент позволяет представить себе сознание и психику отдельного человека как своего рода свёрнутый социум и самостоятельный внутрисполитический мир, как микрогосударство, воспроизведенное, как в лейбницево

монаде, в структуре личности. Подобный взгляд намечен уже в «Государстве» Платона: чтобы понять идею справедливости, надо рассмотреть ее воплощение в устройстве государства, а потом опрокинуть эту структуру в «душу» отдельного человека⁹. При этом то ли государство рассматривается как огромный человек, то ли человек рассматривается как микрокосм – сжатая копия огромного государства¹⁰.

12 Проблемность опрокидывания идеологии в личность связана с представлениями о принципиальной intersубъективности – своего рода фундаментальном «диалогизме идеологии». Если это «сознание для другого» или «мышление за другого», этот Другой должен присутствовать в данной схеме едва ли не физически. С социологической точки зрения субъектами таких отношений могут быть группы (например, классы) либо фрагменты массы и иные массовидные образования. Если учитывать различие идеологии как системы идей и как системы институтов, то идеология и вовсе представляется для личности исключительно внешним институтом интеллектуальной, духовной, моральной и социально-психологической репрессии, инструментом манипуляции извне.

13 Преодолеть ограниченность подобной установки помогают такие концепты, как «внутренний диалог», «внутренняя речь», «интрапсихическая и интрасубъектная коммуникация», «аутокоммуникация», «внутриличностная коммуникация», «сообщение с собой» и пр. (в англоязычных версиях соответственно: «internal dialogue», «self-talk», «inner-speech», «self-statements», «private speech», «intrapersonal communication», etc.). Внутренний диалог есть «интрапсихический процесс, протекающий в речевой диалогической форме, направленный на разрешение интеллектуально-неоднозначной, личностно-эмоционально-значимой, конфликтной проблематики»¹¹. В более общем виде концепция имеет богатую историю от Бахтина до Кастанеды и вплоть до современной культурологии¹².

14 Однако здесь важно соотнести эти внутренние для субъекта процессы: а) не со всякой интракоммуникацией, но именно с внутренней идеологией субъекта во всей специфике идеологического; б) в корректной аналогии с макросоциальными и общеполитическими, даже общегосударственными процессами. Индивид при этом рассматривается как своего рода маленький Левиафан, выполняющий в отношении самого себя во многом те же функции, что и регуляторные институты больших масштабов. Известная фраза «Государство это Я» приобретает смысл в обратной инверсии: «Я это государство» (смыслообраз, часто используемый у Михаила Петрова).

15 3. Идеологическое бессознательное

16 Расширенное понимание идеологии также включает в орбиту идеологического разнообразные проявления не только сознания, но и бессознательного. С общепринятой точки зрения «идеологическое бессознательное» или «бессознательная идеология» – типичный нонсенс. В идеологии обычно видят нечто сугубо рациональное, вербально оформленное и приближенное (по крайней мере по форме) к теории. Однако новейшие формы идеологического воздействия во все большей степени актуализируют механизмы именно теневой и латентной идеологии. Идеология конца прошлого – начала нынешнего века наиболее активна не там, где она явно демонстрирует себя как таковая, а наоборот, там, где она скрывается и маскируется, пытаясь воздействовать подспудно.

17 Здесь виден некоторый аналог теневой экономики; более того, в определенных условиях государство и вовсе начинает действовать как идеологический партизан на собственной территории. Такое несколько странное поведение скорее обусловлено не пресловутым конституционным запретом на огосударствление идеологии (кого и где в суверенной власти это сдерживало?), а именно повышенной эффективностью воздействия «из тени» в условиях идеологической идиосинкразии. В данном контексте можно говорить о применении «мягкой силы» по отношению к собственному населению. Но точно также можно допустить применение «мягкой силы» субъектом по отношению к самому себе, к собственной нарциссической грандиозности либо, наоборот, к своим же слабостям и т.п. Даже если «мягкая сила» это невооруженный экспансионизм, то в известном смысле возможна и экспансия одной внутренне конкурирующей составляющей личности в другую –

завоевывание себя.

18 Понятие идеологического бессознательного и вовсе не покажется странным, если использовать кантовскую формулу из «Критики способности суждения» – *als ob*, как если бы. Субъект – индивидуальный или коллективный – может быть носителем базовых идейных, когнитивных, ценностных, моральных и пр. установок, как если бы он был носителем соответствующих вполне оформленных и артикулированных идеологий. Так, сознание субъекта может быть марксоидным, даже если он с соответствующей идеологией в ее собственном виде не знаком и о Марксе вовсе не слышал. Более того, его сознание может быть сформировано как марксоидное, не только не прибегая к авторитету соответствующей идеологии, но даже и без явной артикуляции, посредством образов, коннотаций, деятельностных (операциональных) и остенсивных (через прямое «указание на») определений – самостоятельно действующих дефиниций с «пустым» определяемым.

19 В той мере, в какой бессознательное прочитывается анализом через наблюдаемое поведение, в политическом анализе, прогностике и т.п. важнее не то, что человек, группа или масса в состоянии артикулировать в форме идеологических штампов, а то, что они могут в повседневности, а тем более в решающие моменты вести себя именно так, как если бы они были носителями той или иной известной идеологии.

20 Соответственно, эти бессознательные идеологические комплексы могут быть реконструированы аналитикой, то есть для теневого и латентных идеологий доступна их условная артикуляция. При этом идеологически нагруженными оказываются не только собственно идеи, представления и ценности, но и такие психо-эмоциональные составляющие, как умонастроение, мирочувствие и т.д., вплоть до общего эмоционального фона, который при желании тоже может быть оформлен аналитической реконструкцией в терминах из словаря идеологий и в откровенно идеологических высказываниях (таких, например, как «исторический оптимизм», «политический пессимизм» и т.п.).

21 4. Внутренняя функциональность

22 Основные функции идеологии в традиционном, макрополитическом ее понимании многократно описаны (хотя составы здесь очень разные), но воспроизводятся и в структуре внутренней идеологии (хотя и в специфических, превращённых формах).

23 а) Идеиный выбор и контридеология

24 При всей очевидности и силе воздействия идеологии как сугубо внешней инстанции, это не отменяет возможности внутреннего сопротивления личности такому воздействию – наличия у субъекта собственной идейной плотности и упругости. В доминирующих подходах идеологические процессы чаще всего заканчиваются «на входе» в личность, на границе индивидуальной субъектности. Дальнейшая судьба идеологического – происходящее «внутри» – либо вовсе не интересуется теорией и анализ и обрывается, либо остаётся скрытым, как в «чёрном ящике», и уж тем более не выходит наружу в форме встречной реакции и ответного действия – идеологического «контрнаступления» лица на социум, власть и политику (неважно, насколько успешного).

25 Но даже если допустить такое сопротивление, проще принять, что оно обеспечивается всего лишь актуализацией в сознании субъекта другой, но так же извне привнесённой идеологии – конкурирующей или альтернативной. Однако и в этом случае роль субъекта вряд ли полностью пассивна. В стандартной модели (включая классический классовый подход) такой выбор определяется общественной позицией субъекта, его местом в социуме и в политической иерархии, обстоятельствами и контекстом прежних идеологических воздействий. Однако если исключить собственную идеологическую активность индивидов, придётся признать, что в одинаковых контекстах (при прочих равных) все они должны автоматически выбирать одни и те же идеологические схемы, что далеко не очевидно. Выбор идеологии может также являться результатом «внутренней идеологической работы» в сознании субъекта и даже его «внутренней идеологической борьбы» с самим собой. Даже если пассивное воспроизводство идеологии статистически ближе к норме,

методологически корректнее, наоборот, считать скорее абсолютную пассивность вырожденным вариантом – пустым множеством в асимптотическом пределе.

26 В этом плане достаточно, например, известного тезиса Вильфредо Парето о потребности человека в оправдании собственных убеждений, в том числе перед самим собой. Типовой пример внутренней идеологической работы по оправданию либо выбора, либо, наоборот, отказа от идеологий с классическим конструированием алиби.

27 Подобная функция в известном смысле может также считаться контридеологической: сопротивление автоматизму внешнего идейного воздействия работает на локальную, «местную» деидеологизацию. Эта же функция может считаться контрсоциальной, поскольку противостоит воздействию заряженного идеологией внешнего социального контекста, идейному давлению самой коллективности. В этом сопротивлении чувству «плеча и локтя» субъект извне может выглядеть асоциальным, а в известном смысле и быть таковым. При этом он противодействует внешней идеологии и давлению социума не безыдейной единицей, а с опорой на внутренние установки и в рабочем контакте с собственным микросоциумом, с собой и важными близкими. Если принять формулу Э.Ю. Соловьева «Философия как критика идеологий»¹³, то в этом смысле можно и индивидуальных субъектов рассматривать в качестве бытовых, стихийных философов, в той или иной мере способных к контридеологической аналитике и критике внедряемых штампов на основе собственных идеологических констелляций. Отдельный вопрос: почему идеологию обычно исследуют в ситуациях, когда она «строит» массу, но не тогда, когда у неё это не совсем получается?

28 б) Ориентация в себе

29 Классическая функция идеологии – ориентация в мире, прежде всего в социально-политической реальности. Но не менее корректен вопрос об ориентации человека в его собственном внутреннем мире, о разметке и идеологическом оформлении им собственного духовного пространства. Условное и почти синонимичное тождество личности и внутреннего мира не исключает и активного взаимодействия человека с его собственным внутренним миром: согласия или конфликта, возможности самоанализа и самопреобразования, наконец, просто рефлексии, в которой двойник самоотражения стремится к чистой зеркальности, но никогда ее не достигает. Нельзя исключить даже сложного самоопределения и, более того, конфликта человека с собственной системой ценностей, например, в морально-этических установках, с одной стороны, и идеологии реального поведения, с другой.

30 Подобные зазоры известны, например, в различии между «отношением» и «установкой» как между «избирательностью» и «готовностью» в концепции личности В.Н. Мясищева. Все это также работает в плане ориентации субъекта в собственном идейном и духовном мире, в мотивах и схемах восприятия этого мира и его трансформации. Но если идеология в обычном смысле слова ориентирует человека прежде всего в пространстве политики и социума, то примерно тем же собственной идеологией субъекта занимается в отношении его «внутренней политики», регулирующей самые разнообразные интрасубъективные и микросоциальные процессы. Если политическое по Карлу Шмитту конституируется оппозицией «друг – враг», то и эта же оппозиция, реализуемая в микромире и в системе близких отношений и контактов, во многом оформляется субъектом идеологически, в том числе в оппозиции «друг – враг» самому себе, с самим собой.

31 Для полноты картины остаётся лишь продлить ориентационные функции внутренней идеологии за пределы политики. Нечто подобное, в частности, присутствует в подготовке субъекта к любому спору о вкусах, насыщенному типично идеологическими штампами, например, этическими или эстетическими.

32 Важно также транслировать вовнутрь субъекта функции идеологической ориентации не только в социально-политическом пространстве, но и в историческом времени. Идеологические ориентиры вообще часто задаются именно через прошлое и историю, через исторические нарративы и оценки. Нередко такая ретро-идеология

доминирует, например, сейчас в России – в связанных процессах идеологизация общественной жизни и историзации самой идеологии. То же может наблюдаться на личностном уровне, в частности, в том, что у Б.Г. Ананьева называется «субъективной картиной жизненного пути». Человек, как с писаной торбой, может носиться со своими прошлыми победами, с традиционными ценностями личной жизни, со своими персональными культурными кодами и микросоциальными скрепами.

33   в) Проект и мобилизация

34   Проектная функция – одна из центральных в конституировании идеологии, прежде всего в ее политическом изводе. Особенно это проявлено в синхронизации начала Модерна как эпохи культа проектности с одновременным выделением идеологии из синкретизма философии, науки и теологии, с эмансипацией политики от традиции. Но идеология имеет отношение к проектному началу и в неполитических своих проявлениях: в исследовательских программах в науке, в проектной функции идеологии стиля в искусстве как порождающей модели множества стилистически (и уже в этом смысле идеологически) связанных произведений и т.п.

35   В этом плане о проектной функции внутренней, собственной идеологии индивидуума можно говорить, имея в виду уже саму установку Сартра: человек есть проект самого себя, чем, собственно, и конституируется специфически человеческое. Здесь важны одновременно и сходства, и отличия между индивидуальным «проектом себя» и коллективно значимыми и даже претендующими на всеобщность проектами, например, идеального общества, правления и т.п.

36   Проект самоизменения индивида в этом смысле идеологичен и в целом повторяет структуру типовой проективной идеологии, в том числе политической. Начинается с тривиального «так жить нельзя» и заканчивается яркими горизонтами самореализации, по степени оптимизма часто не уступающими партийным проектам светлого будущего. Но точно также внутренняя идеология субъекта может быть настроена на сохранение статус кво, на идейное обоснование личностного консерватизма, отрицающего как внутренние призывы, так и внешние призывы к личностному обновлению. Человек либо тешит себя грандиозными планами самореализации и самосовершенствования – либо упорно объясняет себе и близким, почему он меняться не должен и не намерен. В этом смысле люди и в психологическом плане, и в отношении к собственной судьбе могут делиться на прогрессистов и революционеров – и на консерваторов, рутинеров, ретроградов, реакционеров и мракобесов. Причем в структуре личности это не просто психотипы, а именно генераторы и носители обращённых к себе идеологических установок, иногда вполне развёрнутых.

37   г) Интеграционная функция. Самоидентификация

38   Идеология как поиск идентичности проявляется в навязчивом вопросе: «кто мы?». Внутри личности все это повторяется в классическом вопрошании «кто я?».

39   Минимальный, стартовый уровень социальности и политики начинается со сложных взаимоотношений человека с самим собой как с другим Я, вплоть до возможности непримиримых морально-этических конфликтов и классовой вражды в структуре одной личности (что не сводимо к раздвоению личности, хотя часто именуется политической шизофренией). Идеология в обычном смысле собирает и гармонизирует для человека внешний мир – но точно так же внутренняя идеология тшится гармонизировать для человека его собственный мир и близкую социальность. Тему идентичности здесь можно далее не развивать именно в силу ее очевидности и примерной понятности продолжений.

40   д) Компенсация и аутопсихотерапия

41   И в макросоциальном, и в сугубо личностном плане идеология нередко выполняет компенсаторные, психотерапевтические функции, связанные со смягчением социальных и жизненных конфликтов, с облегчением негативных переживаний, моральных страданий и пр. В частности, техники перекладывания вины позволяют субъекту зафиксировать ситуацию,

которую он изменить не может, сделав ее при этом для себя морально приемлемой и мазохистски комфортной. Интересны корреляции собственно идеологического и политического нарциссизма: с одной стороны, нарцисс как генератор и носитель компенсаторной идеологии грандиозности и всемогущести, а с другой – сама идеология как нарцисс, как жертва политической и мировоззренческой самовлюбленности с взрывами нарциссической ярости при намеке на критику¹⁴.

42 В качестве case study характерен пример из опыта автора, связанный с наблюдением над переживанием провала педагогического проекта преподавателем в одном из ведущих художественных вузов. Конфликт и вынужденный уход интерпретируется субъектом с резко обвинительным уклоном в отношении недавних коллег, без лишней самокритики и именно в форме развёрнутых концептуальных построений, объясняющих, почему все это случилось именно так и почему не могло кончиться иначе при любых стратегиях и усилиях. При очевидной потребности выговориться, видна большая концептуальная работа по формулированию контекста и заготовке формул. Человек будто нанимает себе самого же себя в качестве идеолога и политтехнолога, которому заказывается разработка соответствующего текста, адаптированного для разных ситуаций и аудиторий. В результате человек продолжает делать понятное и приятное, так и не делая того, что требует других качеств и пугает невозможностью осилить. Идеологически эта схема может воспроизводиться в отношении к собственной биографии и к судьбе страны, быть установкой человека и гражданина. Здесь концептуализированная автобиография, по сути, выступает как индивидуальная психоистория, но с обратным конструированием мотиваций¹⁵.

43 5. Спецификации и актуальность внутренней идеологии

44 Вместе с тем, в рамках вышеописанной функциональности отнюдь не каждое высказывание может быть квалифицировано как собственно идеологическое. Несводимость внутренней идеологии к обычным психологическим механизмам рационализации, концептуализации и пр. требует особого рода дифференциальной диагностики.

45 а) Квазинаука и квазирелигия. Вера и знание

46 Идеологиям свойственны претензии на форму научности, исключаящую, однако, процедуры верификации и фальсификации, проблемы достоверности и научной добросовестности. В этом идеология выступает как «вера в упаковке знания». Подобно тому как политическое конституируется у Шмитта через оппозицию «друг – враг» по аналогии с добром и злом в этике, прекрасными и безобразным в эстетике и пр., в качестве конституирующей собственно идеологическое может рассматриваться оппозиция «вера – знание». Это не механическое разделение, а континуальный переход, в котором разные градации синтеза «веры-знания» занимают места в разных точках, на краях асимптотически приближаясь к полюсам «почти науки» либо «почти религии» (светской религии с особого рода светскими приходами и пр.)¹⁶.

47 б) Квазифилософия. Рефлексия и догма

48 Явно или неявно покушаясь на статус мировоззрения, тезисы внутренней идеологии также претендуют на известную философичность. При этом различие философии и идеологии кроется не в предмете (контент в философском и идеологическом тексте может быть дословно идентичным), но в интенции и модальности. Если идеология претендует на догматизацию, выдавая неочевидное за очевидное, то философия, наоборот, специализируется на фундаментальной критике очевидностей, самого онтологического и интеллектуального статуса «очевидного» (Рубцов, 2018а). Соответственно, это почти одинаковый заход в мировоззрение, но с принципиально разных позиций.

49 в) Квазигосударство. Идеи и институты

50 Принципиальное для понимания идеологии различие в ней системы идей и системы институтов, возможно, несколько неожиданно воспроизводится и в структуре личности. Важно не только, что человек думает или более-менее осмысленно чувствует, но и

то, как организована его внутренняя коммуникация, какими собственными ресурсами располагают те или иные конкурирующие позиции, в какие каналы общения с собой вкладываются субъектом главные «инвестиции». Можно допустить, что какая-то составляющая внутренней идеологии присутствует в субъекте как статусная и официальная, «государственная», а что-то также идеологическое воспринимается им самим как внутренняя фронда и самодеятельность с ослабленными каналами и средствами суггестии. Здесь это пока лишь тезис, но возможности конструктивного продолжения такой аналогии явно просматриваются.

51 Далее нетрудно показать, что определения внутренней идеологии отнюдь не чужды и самой психологической науке в разных ее традициях и подходах. В этом отношении теории личности, отечественные и зарубежные, можно брать буквально навскидку. Интериоризация идеологического органично вписывается в представления Л.С. Выготского о том, что человек и наедине с собой сохраняет функции общения, в его понимание слова как микрокосма и пр. У С.Л. Рубинштейна личность понимается как совокупность внутренних условий, преломляющих внешние воздействия, что также весьма близко к внутреннему идеологическому комплексу. Таков, в частности, «жизненный склад», включающий помимо прочего мировоззрение и нравственность. Внутренняя идеологическая компонента просматривается в «Я-концепции» Роберта Бернса, прежде всего в ее когнитивной составляющей¹⁷, в схеме «самоактуализации» Гордона Оллпорта¹⁸, в когнитивной психологии Джорджа Келли, прежде всего в теории «личных конструкторов» – квалификационно-оценочных эталонов и моделей мира¹⁹. Можно предположить, что концепции, связанные с утверждением активной личности, должны так или иначе приоткрывать возможность отнюдь не контрабандного вхождения в психологию специфически идеологической проблематики с соответствующими концепциями и аппаратом.

52 В итоге оказывается, что и наиболее фундаментальные идеи и категории психологической классики так или иначе соприкасаются с проблематикой идеологии. Так, если у Фрейда супер-Эго это регулятивная система ценностных ориентаций и установок, то и в самой теории идеологического «система ценностей» является одним из базовых определений. Идеологическое вычлняется в архетипах Юнга, например, в аксиоматике добра и зла, света и тени. Бессознательная, латентная, диффузная идеология несомненно связана с юнгианской концепцией коллективного бессознательного. Идеологичен у Юнга и «комплекс власти» с фиксацией на контроле, доминировании, подчинении и пр. Сюда же относятся такие категории адлерианской психодинамики и индивидуальной психологии, как «стремление к превосходству», «жизненные цели», «самоутверждение» и пр. Из теории жизненного мира выводятся типично идеологические составляющие: Я-концепция (убеждения относительно того, кто я такой); Я-идеал (убеждения о том, каким мне следует быть); образ мира (убеждения о том, что не является мной, и что мир требует от меня). К внутренней идеологической активности лица у Адлера можно также отнести проявления «жизненной силы», «жизненного стиля» и «схемы апперцепции». По-своему идеологична и адлерианская терапия, прежде всего в схемах реориентации, преобразования принятой личностью концепции жизни и жизненного плана (проекта).

53 Этот набросок может быть легко продолжен, но все же главным мотивом активного обращения к тематике внутренней идеологии является потребность в адаптации теории идеологии и аналитики реальных идеологических процессов к новейшим тенденциям идеологической коммуникации, работы и борьбы, прежде всего в отношении теневой, латентной и диффузной, проникающей идеологии, различных эффектов идеологического бессознательного. В большей или меньшей степени воспроизводство идеологии индивидуальным сознанием является не «простым», а «расширенным»²⁰. Но эти аспекты тем более значимы при переходе от групповых, прежде всего классовых моделей к социуму массы, иначе структурированному, свободному от прежних жестких границ и детерминаций, в том числе идейных. В частности, это избавляет от множественных иллюзий деидеологизации. Идеологическое приходится буквально втаскивать в психологию личности уже потому, что этим активно и весьма успешно занимается сама идеологическая практика,

порождая во многом новую для психологии эмпирию. Происходит явная психологизация техник идеологического воздействия (не путать идеологическое кодирование с простой пропагандой). Это порождает встречный интерес психологии и теории идеологии, не говоря о естественном для науки стремлении к универсализации теории.

54 Анализ такого рода «идеологии для внутреннего употребления» (или для «индивидуального пользования») продуктивен при определении пределов возможной деидеологизации, для понимания ряда полезных функций идеологического в индивидуальном и социальном планах, а также для обнаружения идеологии за пределами политики.

55 Тем более все это важно в обостряющейся ситуации постмодерна: с одной стороны, разгула политического постмодернизма, а с другой – поиска выхода из постмодерна, уже основательно дискредитированного откровенными имитациями естества и спонтанности, которые оказались утрачены в реализациях тотальных проектов Высокого Модерна. Идеи возврата к локальному и подлинно приватному не могут обойти и представлений внутренней идеологии.

Remarks:

1. Функции идеологии [Электронный ресурс] URL: >>>> (дата обращения 29.11.2019)
2. Политическая идеология. [Электронный ресурс] URL: >>>> (дата обращения 29.11.2019)
3. Семигин Г.Ю. Идеология / Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010. — 2816 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс, Собрание сочинений (в 50 т., т. 3.) М.: Политиздат. С. 418, 420-421
5. Есть и попытки расширения понятия идеологии у Маркса: «По сути этот же подход Штирнер и Маркс распространили на философию, право, политику, экономическую науку, мораль и обыденное сознание. Как и в религии, в этих видах дискурса люди также могут быть захвачены «заблуждающимся сознанием» или идеологическими иллюзиями...» См.: Баллаев, А.А. Проблемы идеологии в творчестве Карла Маркса // История философии. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 1998. С. 55–75. [Электронный ресурс] URL: >>>>
6. См., например: Горячева Т.В. Утопии в искусстве русского авангарда: футуризм и супрематизм / Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика (в 2 т.) Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 66–138
7. Рубцов А.В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении. Вопросы философии, №7, 2018. С. 18–27
8. Рубцов А.В. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М.: ИФ РАН, 2016. – с. 224–243
9. Платон. Собрание сочинений (в 4 т., т. 3). М.: Мысль, 1994. С. 129-130
10. Сюда же примыкает традиция понимания личности как микрокосма. См.: Бердяев Н.А. Глава II. Человек. Микрокосм и макрокосм / Бердяев Н.А. Смысл творчества (опыт оправдания человека). М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. Из более современных исследований характерно, в частности, следующее высказывание: «...Личность есть вместилище социально-культурной системы своего времени [...] Личность — микрокосм социально-культурной системы», Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры / Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 76–89. В проведении таких параллелей государствам как политическим системам иногда даже приписываются виды темперамента: флегматик, меланхолик, холерик и пр.
11. См.: Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в изменённых состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010; Россохин А.В. Психология рефлексии измененных состояний сознания (на материале психоанализа) // Психология. Журнал Высшей школы экономики, №7(2), 2010. С. 83–102.
12. «...Микросоциум культуры это внутренняя социальность (полифоничность), присущая самим регулятивным идеям личности и разума как двум полюсам, создающим напряжение культурного поля индивида». См. Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб.: Наука. 2005. С. 622
13. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал, №9(4), 2016. С. 5–17; Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть II // Философский журнал, №10(3), 2017. С. 5–31.

14. Рубцов А.В. Идеология и нарциссизм. Мании грандиозности: наблюдение, симптоматика, генезис / А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов (ред.), Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 130–146
  15. Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 512 с.
  16. Рубцов А.В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении. Вопросы философии, №7, 2018. С. 18–27
  17. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. С. 30-66
  18. Оллпорт Г.В. Личность в психологии. М., СПб: КСП+/Ювента, 1998. С. 101-154
  19. Келли Д. Психологи личности (теория личных конструктов). СПб.: Речь, 2000.
  20. Применительно к сознанию терминология «производства», «простого воспроизводства» (обмена, распространения) и «расширенного воспроизводства» (функционирования) была положена в основу не дописанной книги «Бытие сознания», которую мы в Институте философии РАН в 1980-х годах писали в соавторстве с такими авторитетами, как Б. А. Грушин и Ф. Т. Михайлов.
-

References:

1. Ahutin A.V. Povоротnye vremena. SPb.: Nauka. 2005. 743 s.
2. Ballaev A.A. Problemy ideologii v tvorchestve Karla Marksa // Istoriya filosofii. Vyp. 3. M.: IF RAN, 1998. S. 5575. [Elektronnyj resurs] URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp3/4.pdf>
3. Berdyaev N.A. Glava II. Chelovek. Mikrokozmi i makrokozmi / Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva (opyt opravdaniya cheloveka). M.: Izd-vo G.A. Lemana i S.I. Saharova, 1916
4. Berns R. Razvitie YA-koncepcii i vospitanie. M.: Progress, 1986. 420 s.
5. Goryacheva T.V. Utopii v iskusstve russkogo avangarda: futurizm i suprematizm / Avangard v kul'ture XX veka (1900-1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika (v 2 t.) T. 2. M.: IMLI RAN, 2010. S. 66138
6. Gurevich A.YA. Eshche neskol'ko zamechanij k diskussii o lichnosti i individual'nosti v istorii kul'tury / Odissey. Chelovek v istorii. M.: Nauka, 1990. S. 7689
7. De Moz L. Psihoistoriya. Rostov-na-Donu: Feniks, 2000. 512 s.
8. Kelli D. Psihologi lichnosti (teoriya lichnyh konstruktov). SPb.: Rech', 2000. 248 s.
9. Marks K., Engel's F. Nemeckaya ideologiya / K. Marks, F. Engel's, Sobranie sochinenij (v 50 t., t. 3.) M.: Politizdat, 1955
10. Ollport G.V. Lichnost' v psihologii. M., SPb: KSP+/YUventa, 1998. ? 345 s.
11. Platon. Sobranie sochinenij (v 4 t., t. Z). M.: Mysl', 1994.
12. Rossohin A.V. Refleksiya i vnutrennij dialog v izmenyonnyh sostoyaniyah soznaniya: Intersoznanie v psihoanalize. M.: Kogito-Centr, 2010. ? 304 s.
13. Rossohin A.V. Psihologiya refleksii izmenennyh sostoyanij soznaniya (na materiale psihoanaliza) // Psihologiya. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki, '17(2), 2010. S. 83102.
14. Rubcov A.V. Prakticheskaya ideologiya. K analitike ideologicheskikh processov v politicheskoi i sociokul'turnoj real'nosti. M.: IF RAN, 2016. 246 s.
15. Rubcov A.V. Prevrashcheniya ideologii. Ponyatie ideologicheskogo v «predel'nom» rasshirenii. Voprosy filosofii, '17, 2018. S. 1827.

16. Rubcov A. V. Ideologiya i narcissizm. Manii grandioznosti: nablyudenie, simptomatika, genezis / A. A. Gusejnov, A. V. Rubcov (red.), *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna*. M.: Progress-Tradiciya. 464 s.
17. Rubcov A.V. Ideologi i narcissy. Mify vsemogushchestva: recidivy, obostreniya, epidemii / A. A. Gusejnov, A. V. Rubcov (red.), *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna*. M.: Progress-Tradiciya. 464 s.
18. Semigin G.YU. Ideologiya / *Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t.* / pred. nauch.-red. sojeta V. S. Styopin. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Mysl', 2010. 2816 s.
19. Solov'ev E.YU. Filosofiya kak kritika ideologij. CHast' I // *Filosofskij zhurnal*, 19(4), 2016. S. 517.
20. Solov'ev E.YU. Filosofiya kak kritika ideologij. CHast' II // *Filosofskij zhurnal*, 110(3), 2017. S. 531.

Идеология в структуре социума и личности

Рубцов Александр Вадимович

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье вводится понятие внутренней идеологии – идеологических процессов, протекающих в сознании и бессознательном личности по аналогии с параллельными процессами в системе власти, в социуме и государстве. Расширенное понимание идеологии не сводится к политике и стандартам социальности, но также обнаруживает ее присутствие в науке, культуре, экономике и пр. Наряду с форматами «сознания для другого» и «мышления за другого» (Маркс, Штирнер) рассматривается идеологическое начало «внутреннего диалога», «внутреннего мира человека» и т.п. Такого рода эффекты актуализированы транзитом от групповых к массовым моделям социальности и новейшим формам теневой, латентной, диффузной («проникающей») идеологии. В режиме *als ob* обсуждаются феномены «идеологического бессознательного». Анализируются «полезные» качества внутренней идеологии: контридеологические и контрсоциальные, проективные и консервативные, ориентационные и компенсаторные. Внутренняя идеология разводится с известными формами рационализации через оппозицию «веры в упаковке знания».

Ключевые слова: идеология, личность, внутренняя идеология, внутренний диалог, внутренний мир, диффузная, теневая, латентная и проникающая идеология, идеологическое бессознательное, внутренние функции идеологического

Дата публикации: 30.12.2019

Ссылка для цитирования:

Рубцов А. В. Идеология в структуре социума и личности // Полилог/Polylogos. – 2019. – Т. 3. – № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110008020-4-1/> DOI: 10.18254/S258770110008020-4